

Р.И. Соколова

Жизнеспособность государства и здоровье человека

1.

Проблема здоровья населения в России из области чисто медицинской давно уже перешла на уровень общественно-политический, мировоззренческий, приобрела государственный характер. Если проблему здоровья человека, а в более широком смысле — проблему его жизнеспособности — рассматривать в неразрывной связи с проблемой жизнеспособности государства, обнаруживается прямая корреляция между здоровьем людей, их жизнеспособностью и жизнеспособностью государства.

Рассмотрение этой проблемы в таком аспекте не только проливает свет на многие события современности, но и дает критерии для оценки деятельности государства, указывает на иные перспективы его существования. Кроме того, сама постановка данной проблемы затрагивает многие философско-политические проблемы первостепенной важности, побуждает обратиться к вечным, **фундаментальным** вопросам бытия, напоминает об их нерешенности, о необходимости поисков ответов на них. Поэтому нужно оглянуться назад, на пройденный путь, и вместе с тем попытаться заглянуть вперед, понять, что нас ждет, если оставаться на том уровне нравственного и научного багажа, который был накоплен за последние десятилетия и который, так или иначе, определяет мировоззрение и поведение нашего народа. Это ставит перед философией и общественными науками в принципе совершенно новые, нетрадиционные задачи.

Представление о государстве, основаниях и условиях его *жизнеспособности* является составным элементом картины мира, включающей также и систему взглядов на Вселенную, природу, на самого человека. Сегодня многие исследователи уже не сомневаются в том, что современное понимание мира, природы, реальности и человека является поверхностным, неверным и неполным. Это в полной мере относится к представлению об универсальном принципе жизни как таковой, который является ключевым в теме «жизнеспособность государства». Непонимание, игнорирование этого принципа современной самоуверенной цивилизацией приводит к роковым последствиям, выражающимся в деградации человека и окружающей среды.

Вместе с тем можно констатировать, что в отечественной философии уже обозначился серьезный интерес к проблеме жизни, проявившийся в анализе ряда аксиологических подходов к ней, основанных на различных мировоззренческих программах¹ и создающих определенную базу для исследования проблемы жизнеспособности государства. В сущности, есть два подхода к решению проблем государства: 1) с точки зрения материальной (приоритетной) – классовая борьба, национальные интересы и т.д. и 2) с точки зрения духовной, идеологической. Тема «жизнеспособности государства» меняет местами эти позиции, позволяя рассматривать духовную сторону не просто как некую надстройку над экономическим базисом, не являющуюся главным, определяющим фактором, а как нечто фундаментальное, от чего зависит жизнеспособность государства, а следовательно, жизнеспособность людей. В реальности так и происходит: достаточно вспомнить, что в основе возникновения советского государства лежало мировоззрение, определявшее все стороны жизни людей. Из этого следует, что всяким концепциям устроения государственной жизни предшествует обсуждение и решение метафизических, мировоззренческих вопросов, вытекающих из понимания жизни как наиболее емкого и многомерного понятия и соответственно – выбора вариантов жизни.

Несмотря на то, что проблема жизни, являющаяся во всем объеме своего содержания весьма сложной и многогранной, заняла свое место в современной отечественной философии,

все же широким общественным сознанием России она по-прежнему воспринимается упрощенно: либо в обыденном, либо в чисто биологическом смысле. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что на протяжении десятков лет данная проблема оставалась за пределами внимания отечественной философии.

Представляется, что назрела необходимость сосредоточить внимание на изначально высоком, строгом и сакральном смысле слова «жизнь» как она рассматривалась в большинстве философских и религиозных учениях, где слово «жизнь» означает жизнь достойную, чистую, нравственную, которая и составляет истинное счастье и достоинство человека. Этот смысл отличается от понимания, сложившегося в обыденном языке, в котором слово «жизнь» означает любое существование, в том числе — безнравственное и преступное. Примером тому и является современная российская действительность: вызов бездуховности достиг такого накала, что наше время все больше напоминает закат эры динозавров, когда они, разорив и опустошив землю, начали вымирать.

Казалось бы, в этой ситуации следовало бы найти иной способ жить, а также понять, что самая важная и неотложная задача — воспитание нравственного, внутренне гармоничного человека. Но вопрос об этом даже не стоит. В советское время ставилась подобная задача, однако в целом она так и не была решена. Оказалось, что на пути решения этой проблемы, как тогда, так и теперь, стоит главное препятствие — **миропонимание** людей, которое лежит в основе идеологии.

Упрощенно подойдя к сложному понятию идеологии, власти конституционно провозгласили отказ от идеологии². Вместе с коммунистической идеологией, вынужденно впитавшей в себя и традиционную духовность, массы и правящие круги утратили основные мировоззренческие представления, а также основополагающие моральные и духовные ценности, ничего не получив взамен. В результате наши граждане оказались участниками небывалого эксперимента, которое человечество за тысячелетия своего существования еще никогда не ставило в таком масштабе — **жизнь без моральных ценностей и духовных ориентиров**.

Но как могут граждане воспринимать мир, не имея никакого жизненного эталона перед собой, не имея никакого нравственного и государственного идеала? Ведь идеология (в широком, а не в узко партийном смысле) — это функция от идеала, т.е. представления о наиболее совершенном, идеальном состоянии как общества, так и человека; это своего рода компас или маяк. Жить, не понимая в чем сущность, смысл и цель жизни, не может ни человек, ни общество. У Сент-Экзюпери есть замечательная фраза на этот счет: «Кораблю, который не знает, в какую гавань он держит путь, никакой ветер не будет попутным». Эта идея плавания, не имеющего никакой иной цели, кроме самого плавания, наглядно выражена в очень ярком символе — «корабле дураков», который встречается в средневековой иконографии. Он отражает смысл, противоположный пониманию пути как **перехода, развития, спасения**. В изображениях «корабля дураков» часто встречается обнаженная женщина, стакан вина и другие символы земной похоти³. Данный символ, как ни один другой, подходит к нашему государству, из которого не только уходят понятия чести, совести, справедливости, но становится проблемой само его существование, жизнь и здоровье его граждан.

2.

Одним из ключевых направлений в изучении сложной и многогранной темы «жизнеспособности государства» является изучение процессов в динамике духовной сферы — образовании, культуре, нравственности, идеологии, возглавляемых и ведомых фундаментальной наукой, а также религии. Что касается науки, стоит еще раз обратить внимание на негативный факт (не раз обсуждавшийся в литературе), который послужил тормозом в ее развитии. Речь идет о вмешательстве эмпиризма, привнесенного более столетия назад Паоло Сарпи. Это привело к тому, что официальная наука разделилась надвое между **последователями классической науки** — Платона, Кузанского, Пачоли, Гильберта, Кеплера, Гюйгенса, Лейбница, Гаусса, Гумбольта, Римана — с одной стороны, и **эмпиристами и картезианцами** — с другой. При этом все эмпиристы, особенно их ра-

дикальное крыло, именуяющее себя логическими позитивистами, утверждают, будто *жизнь есть результат действия механических принципов*. Последняя позиция сегодня представлена кабинетными доктринами тех, кто сводит жизнь к продукту молекулярной биологии. Влияние эмпиристской школы и ее последователей в огромной степени затормозило те достижения, которые могли бы свершиться. Механистический подход привел к возникновению ряда парадоксов и противоречий, к возможности *замалчивания важнейших и интереснейших вопросов о сущности и смысле жизни, о специфике живой природы*⁴. Основанная на постулатах и аксиомах локального видения законов природы, позитивистская механистическая картина мира и поныне остается господствующим мировоззрением, несмотря на то, что механицизм давно осужден классиками науки как тупиковое направление познания, а в науке сделаны опровергающие его важнейшие открытия.

Можно сказать, что в области познания человечество находится у поворотной черты. Оно прошло и до конца исчерпало путь, связанный с сугубо механистическим видением мира: «... Изучение глубинных структур косной и живой материи отнюдь не приближает нас к пониманию основ микро- и макромира. Мы по-прежнему не знаем природу электромагнитных полей, гравитации, ядерного взаимодействия, хотя научились пользоваться ими на практике»⁵. Зияющие бездны незнания обнаружались в современных науках о жизни, о Земле, Вселенной, человеке и обществе. На эти еще неисследованные тайны природы обращает внимание французский мыслитель Сатпрем: «Когда птицы летят из Арктики к лагунам Цейлона, им не нужно «думать» о маршруте своего полета; в каждую секунду они там, где должны быть, потому ...потому что карта мира летит вместе с ними, внутри них, или, наоборот, они летят внутри живой географии мира. Мы называем это словом «инстинкт», которое лишь прикрывает наше неведение; инстинкт мира — это то, чем является мир на самом деле, во всей полноте, без стен и барьеров»⁶.

Выжить можно, лишь понимая сущность жизни и феномен самого человека. Между тем кризис науки более всего проявляет себя *в главном — в оценке сущности человека, осознании его*

жизни и существования. Можно только согласиться с Фромом, который считал, что существование человека — не есть что-то само собой разумеющееся, это проблема; не ответ, но вопрос. При этом, что парадоксально, единственно возможным ответом являются лишь новые вопросы⁷.

3.

Понимание и оценка самой сущности жизни и человека менялись на протяжении веков. В античный и средневековый период отношение к человеку и государству определялось, исходя из идейно-религиозных оснований. В христианской культуре призвание человека как образа Божьего, наделенного свободой, достоинством, состояло в «обожении» не только самого себя, но и всего мира. Эта оценка подверглась коренному пересмотру в Новое время. Оно породило комплекс идей и ощущений относительно мира и человека, который А.К.Якимович описал под названием «антропология недоверия», подразумевающие недоверие к высокому предназначению человека⁸. То есть идеалы гуманизма и Просвещения создаются не из возвышенных помыслов и благородных дел, а вырастают из темной и гнусной материи реальных страстей человека и самых неблагоприятных его поступков. С наступлением Нового времени «постоянно предполагается, что в основе культуры, законов, власти, общества и морали лежит дикарская, скотская, нечеловеческая, докультурная субстанция, или ошибка природы, или случайность»⁹. Эта новая теория человека особенно ярко отразилась в искусстве и литературе. В то же время она имела далеко идущие последствия и для понимания государства, которое теряло ореол вдохновителя и создателя как собственного высокого предназначения, так и высокого божественного предназначения человека, превращаясь в институт, структуру, элемент социальной системы.

При этом важно подчеркнуть, что вопрос о происхождении и сущности человека, а также его месте в мире по-прежнему остается открытым: вразумительного его понимания до сих пор нет. И это несмотря на то, что он является одним из основных в

истории философской и общественно-политической мысли. У Канта вопрос «что такое человек?» формулируется даже как основной вопрос философии. Все, что наука длительное время давала на этот счет и в течение более сотни лет через сферу образования внедряла в массовое сознание, оказалось достаточно сомнительным. Речь идет прежде всего о теории эволюции, теории происхождения человека¹⁰. В советское время установилось понимание человека как биосоциально-духовного существа. Но главный акцент ставился все же на трактовке человека как производного от общества, как его продукта. Поэтому анализ проблем человека был нацелен на выявление в основном его социальной сущности. Но жизнь упрямо доказывала: формировать личность с требуемыми социально полезными качествами никак не удается.

Сегодня большая часть ученых продолжает определять человека как биосоциальное существо, т.е. сущность человека трактуют как единство его биологического и социального начал. Правда, в 1990-е гг. «социального человека» начал сменять «человек виртуальный», у которого предполагается актуализация одной лишь возможности — нацеленность на информацию и коммуникацию, оставляя в стороне другие смыслы и функции человека. Однако концепция «виртуального человека» — это ни что иное, как новейшая попытка увести от понимания подлинной сущности человека. В целом и тот, и другой подходы представляются односторонними. Можно сказать, что современная наука пока не готова ни осмыслить, ни объяснить истинную сущность человека, который постепенно становится сам себе врагом. Возможно, этому мешают ошибочные представления о происхождении человека, широко внедряемые в сферу образования.

Таким образом, новые исторические условия и обстоятельства дают серьезный повод для сомнений во всемогуществе науки объяснить сущность человека. Ошибочность сформированных официальной наукой представлений о сущности человека сегодня оборачивается угрозой его выживанию, что вызывает необходимость их немедленного пересмотра. Только полнота и объективность представлений о человеке может быть основанием для создания плодотворных общественных теорий. В свя-

зи с этим было бы чрезвычайно важно установить верные изначальные понятия о человеке, как они складывались в науке, традиционной культуре и миропонимании.

Отдельные представители медицинской науки уже прямо высказываются в данном направлении. Так Д. Е. Мелехов пишет: «...по мере освобождения от примитивного механистически-материалистического мышления («психика – функция мозга, такая же, как выделение желчи – функция печени») возникает признание духовных ценностей, духовных основ личности, не сводимых к физико-химическим процессам»¹¹. Данное мнение совпадает со взглядом на человека В. Д. Трошина: «Организм мы рассматриваем в виде духовно-биологической, интегральной, саморегулирующейся открытой системы, находящейся в тесной гармонии с внешней средой, мирозданием и Богом»¹². Е. В. Ермакова утверждает, что «в теоретической мысли человечества широко утвердилось положение, согласно которому человек есть существо духовное. Это позволило выйти на анализ таких вопросов, как духовная жизнь человека, духовная культура личности»¹³.

Таким образом, по мнению некоторых представителей медицинской науки, наметившаяся тенденция в уточнении понимания сущности человека позволяет предположить, что некая пока не изученная наукой надсоматическая его организация, управляющая свободой выбора, вполне реально влияет на жизнедеятельность организма и на его физическое здоровье.

Исходя из этих соображений, в круг актуальнейших задач общественных (и естественных) наук было бы целесообразно включить выявление и переосмысление на новом уровне природы и механизмов функционирования духовно-нравственной сферы человека, находящейся как бы над его биологической организацией, т.е. сферы, где формируются персональные ценностные установки, актуализируемые и реализуемые волевым усилием.

4.

Современная Россия, вооруженная всем аппаратом западной науки, прошла равнодушно мимо самой темы духовности, не заметив, что отношением к этой теме, в конце концов, определяется судьба России. Представляется совсем неслучайным,

что отнюдь не обществоведы, а, казалось бы, далекие от темы духовности представители медицины первыми серьезно поставили данный вопрос в правильном направлении. И в этом есть своя закономерность, которую очень точно подметил И. Солоневич: «Если вы хотите прочесть чтобы то ни было разумное и о России и о Европе, вы должны обратиться к людям любой профессии.... Разница между профессорами общественных наук и всеми этими случайно пишущими людьми заключается в том, что профессора знают только теории и только цитаты. Остальные люди знают действительность и знают жизнь»¹⁴.

Таковыми людьми, хорошо знающими действительность и ее влияние на человека, как раз и являются медицинские работники, которые ищут возможности влиять на индивидуальное поведение человека и способ его жизни, обуславливающие большинство причин заболеваний. Именно они, в отличие от погруженных в абстрактные теории обществоведов, ближе соприкасаясь с жизнью, остро осознали необходимость создания фундаментальных основ общей теории здоровья, т.е. теории *жизнеспособности* человека. А это прямо перекликается с вопросом о *жизнеспособности государства*, ибо жизнеспособное государство состоит из жизнеспособных людей. Может ли быть жизнеспособным государство, население которого вымирает и почти на 90% нуждается в помощи врача-психиатра, согласно данным бывшего (до 1998 г.) министра здравоохранения Т.Дмитриевой и врача-психиатра знаменитого Института Сербского Б.Шостаковича¹⁵.

Если вести речь не просто о человеке, а именно о *жизнеспособном* человеке, то сегодня не только можно, но и нужно расширить представления о его сущности, обоснованно включив в них сферу идеальных ценностей, т.е. духовно-нравственную, надтелесную сферу. Это оказалось очень существенным для нервно-психического и соматического здоровья: «В последние годы ученые все чаще стали отмечать, что устойчивое здоровье зависит не только от особенностей биологической организации человека, но и от его поведения в природной и социальной среде. Это предположение находит подтверждение при анализе факторов, приводящих к новым заболеваниям»¹⁶. «Очевидно, медицина должна быть сильно заинтересована в том,

чтобы на 70–85% уменьшить заболеваемость населения, обусловленную, увы, духовным состоянием человека и общества, воспитательным браком общества»¹⁷. Данное предположение с высокой долей вероятности можно отнести к любой другой сфере общества – военной, судебно-правовой, сфере образования и т.д.

Россия столкнулась в последние годы с неожиданным и весьма нежелательным феноменом, не поддающемуся однозначному толкованию, но почему-то считающимся результатом научно-технической революции, а не той идеологии, которой она была инициирована и на фоне которой развивалась. Речь идет о заимствованной у Запада идеологии прагматизма, не предполагающей обращения к истокам духовной традиции. Это привело в конечном счете к катастрофическому оскудению духовности и нравственности, что выразилось в стремлении человека вооружиться в жизни преимущественно порочными ценностями, т.е. в его бездумной готовности следовать губительным путем.

Здесь и лежит корень всех проблем. Конечно, реальная практика функционирования СМИ и так называемых неправительственных некоммерческих организаций дает основание предполагать, что существует инициированная из-за рубежа целенаправленная политика по духовному разложению народа. Но дело не только в этом. Сам народ (если не весь, то очень многие его представители) как будто охотно участвует в реализации этих планов. И все больше авторов начинают констатировать многочисленные факты явного проявления порочных склонностей людей, которые отражаются на их стиле, способе жизни. Собственно, такое всегда было в истории, но сегодня масштаб этого явления совершенно иной. Самое первое и очевидное объяснение – то, что в обществе нет духовности, что духовность заменена материальностью. Жизнь без цели, ценностей и идеалов – это по большому счету нечеловеческое (можно сказать – скотское) существование, которое толкает на преступления, самоубийство, пьянство и прочее. Однако вопрос заключается в том, **каков механизм разрушения духовности.**

Как отмечают исследователи, происходящее в России так называемое реформирование направлено, в том числе, и на культуру. Но дело в том, что ни один культурный объект в принципе не подлежит реформированию, так как при этом разрушается мифо-

логия, на которой он основан (Э.Тейлор). Соответственно разрушается и порождаемая ею социальность. Представители психологической антропологии отмечают, что если народ живет в рамках своей духовной культуры, то *символы его культуры синхронизируют и гармонизируют действие эндокринной системы людей*. Разрушение родной культуры, а также воздействие чужой культуры и идеологии ведут не только к извращению ценностных ориентиров в их сознании, но и к разбалансировке процессов жизнедеятельности, а также включению противоестественных рефлексов и *изменению наследственной программы поведения*¹⁸.

Человек, как уже отмечалось, воплощает в себе три ипостаси: биологическую, социальную и духовную. Последовательное разрушение этого третьего элемента, в каких бы уголках мира это ни происходило, ведет к таким последствиям, которые позволили французскому писателю Сатпрему заявить, что «на Земле слишком много нелюдей. Может быть, это козлы, крысы или кролики, но это не люди. У них может быть наука, демократия, религия, но это не люди. Это сверхсложные пищеварительные тракты. Нет более фальшивого вида. Крыса – это то, что она есть, ни на что другое она не претендует. Человек – не то, что он есть... Человек и ложь неразделимы. Это говорит о том, что мы пока еще не люди... Наша ложь взрывается у нас на глазах. В этом суть всего происходящего»¹⁹.

Разбалансирование процессов жизнедеятельности людей, которое проявляется в неадекватном способе их жизни, очень существенно влияет как на жизнеспособность людей, так и жизнеспособность государства. Во-первых, способ жизни, как отмечают представители медицины, «выступает и в виде некоторого непосредственного индивидуального фактора нездоровья человека (50–55% случаев заболеваний); во-вторых, проявляет себя и в плохом состоянии окружающей среды – в виде опосредованного фактора нездоровья, с накопленным эффектом индивидуальной деятельности, отсроченным, порой и без вины конкретного человека (это 20–25% случаев заболеваний). Если сложить вместе приведенные цифры, то получается, что способ жизни людей охватывает уже 70–80% всей совокупности причин, приводящих к расстройству здоровья – непосредственно или опосредовано»²⁰.

Следовательно, в качестве главных причин, обуславливающих в целом риск новых заболеваний (а также травм, отравлений и т.п.) через проявление «индивидуального фактора», обнаруживают себя две причины, находящиеся вне охвата сферы здравоохранения и медицины: 1) неадекватность выбора человеком ключевых ценностных ориентаций, 2) несформированность у людей воли, причем воли нравственного качества. Из этого вытекает, что человек в своей жизни и деятельности руководствуется преимущественно персональными ценностными ориентациями, при этом значительная часть из них, воплощаемых на практике, вредны для самого его носителя и для окружающих. Было высказано также предположение, что неблагоприятное поведение индивида (в выборе способа жизни) и всего человечества (в эксплуатации планетарных ресурсов и ее последствий для среды обитания) указывает на то, что биосоциальная сущность человека не является ни приоритетной, ни исчерпывающей.

Изложенное дает основание выдвинуть гипотезу о том, что сущность человека более адекватно могут отражать не его биологические потребности и не социальные условности, а персональные ценности, которым он следует. Их реализация определяет характер потребностно-мотивационной сферы человека и влияет на формирование его качеств как индивида и личности. Иными словами, сущность человека может быть выражена через определенные присущие ему специфически человеческие и, безусловно, приоритетные качества — духовно-нравственные качества.

Изменение представлений о человеке на основе новых научных данных позволило бы включить в арсенал здравоохранения и медицины новые возможности влиять на индивидуальное поведение человека и *способ его жизни*, обуславливающие большинство причин заболеваний. Речь идет о перспективности неизвестного в современной медицине и здравоохранении пути профилактики заболеваний — на духовно-нравственной основе, т.е. на основе формирования или коррекции ценностных ориентаций индивида и личности. По мнению представителей медицинской науки, следствием проведения исследований в указанном направлении должно стать нивелирование влияния названного выше «индивидуального фактора», кото-

рый обуславливает сегодня до 70–85% новых обращений за медицинской помощью. На практике же превентивная медицина пока не готова к устранению индивидуального фактора как главной причины заболеваний. На этот счет у официального здравоохранения нет даже концепции, вытекающей из общей теории здоровья. Последняя могла бы стать неотъемлемой составной частью общей теории «жизнеспособного государства».

Долгое игнорирование обществоведами понятий «жизнь», «жизнеспособность государства» привело к неразработанности и сопряженного с ними понятия «духовность». Речь идет о понятии, определение которого является прямой прерогативой обществоведов. Но после того, как последовательно рухнули две большие идеологемы духовности — дореволюционно-православная и советско-интеллигентская — образовались большие завалы из обломков разных представлений о «духовности». В зависимости от своих субъективных предпочтений из этих завалов извлекают разные элементы, поэтому можно встретить, например, такое определение духовности: «нищенство духа («блаженны нищие духом»); вовлеченность в религиозные отправления; склонность бравировать нищетой, телесной неопрятностью, житейской беспомощностью; слепая неприязнь к оригинальности, социальному и экономическому успеху, интеллекту, науке и технике»²¹. Однако здравый смысл подсказывает: не это одиозное содержание «духовности» дало возможность ей обрести популярность в публицистической риторике России последних лет. И не этим содержанием руководствуются представители медицины (а также правоохранительных органов), когда пишут о главенствующей роли духовности.

В целом в литературе выделяют два основных подхода, которые в той или иной интерпретации встречаются в разных изданиях, — светски-материалистический и религиозно-философский.

В качестве примеров *светски-материалистического подхода* можно привести следующие определения.

«Духовность выражает, прежде всего, нравственные, справедливые начала общественной жизни, свободу мысли, моральные нормы поведения человека в обществе, примат добра над злом. Она несводима к вере в Бога или монарха. Это уважение различных точек зрения, мнений, религиозных конфессий»²².

Источником духовности является здесь мировоззрение человека, философские и научные знания, которые определяют отношение к окружающему миру. Отсюда, однако, вовсе не вытекает, что человек обязан следовать этому в своей повседневной жизни.

Иногда вместо понятия «духовность» используется понятие «духовная жизнь», под которой понимают тягу к вершинам культуры: чтение книг, посещение театра, совершенствование своих творческих способностей, т.е. культурные потребности человека представляются как духовные²³. Тем самым ставится знак равенства между духовностью и культурным уровнем человека, или удовлетворением его культурных запросов, под которыми следует понимать скорее образованность человека, широту его познаний. Несостоятельность этого подхода легко обнаруживается в поведении и образе жизни самих работников культуры, искусства, литературы, средств массовой информации. Многие из них, будучи «культурными», демонстрируют свою безнравственность, считая ее «профессиональной» нормой. Поэт и прозаик Татьяна Бек говорит даже о хищных инстинктах творческих работников²⁴. Неприемлемость такого понимания духовности очевидна как для представителей медицины, так любой другой общественной сферы.

Естественнонаучная интерпретация, отражающая позиции нейрофизиологии, определяет духовность как психическое состояние, организующее психические процессы (мышления, внимания, памяти и др.), которые обеспечивают способность сознания работать с идеальными образами ценностей. Результатом проявления этой способности является персональный набор ценностных ориентаций.

Здесь обнаруживается явное смешение понятий «психическое», «душевное», «духовное». Эту тенденцию отражает и психологическая литература, где под душой принято понимать психику человека.

С общих позиций философии и психологии духовность человека определяется «в общем плане как собственно человеческий, глубоко личностный способ отражения и освоения действительности, детерминированный ориентацией познания и

деятельности человека на общественные ценности»²⁵. Недостаточность и неадекватность этого определения в современной ситуации становится все более очевидной.

Религиозно-философский подход исходит из того, что духовность — это, прежде всего, признание двуединства мира: мира вещественных («физических») ценностей и мира иных ценностей — духовных, более значительных и значимых. «Как существо духовное человек стремится преодолеть границы мира материального и устремиться к миру сверхчувственному, умопостигаемому. В этой устремленности к нематериальному проявляется удивительное свойство, отсутствующее у всех других живых существ и дарованное только человеку — духовность. Духовность имеет свои особые формы бытия, свои особые измерения, среди которых следует выделять духовную свободу, духовную ответственность и духовное достоинство»²⁶.

Отсутствие в обществе единой точки зрения на природу этого явления приводит к тому, что ни в медицине, ни в сфере образования, ни в обиходе нет единого понимания духовности человека. Положение запутывает еще и то обстоятельство, что человек в силу своего атеистического мировоззрения может и не признавать Высшего начала (Бога), но в результате традиционного воспитания часто следует идеальным ценностям (в религиозном смысле), воплощающим духовность.

Таким образом, складывается очень странная, парадоксальная ситуация: с одной стороны, как будто наметилась явная заинтересованность в использовании категории духовности в различных сферах общества — образовании, правоохранительных органах, культуре, особенно — в здравоохранении и медицине (на чем настаивают авторы книги «Духовность в медицине» (2004)). С другой стороны, отсутствует единое понимание того, что она собой выражает. То есть представители медицины через свою повседневную практику пришли к осознанию необходимости «духовности» для здравоохранения и медицины, но столкнулись с труднейшей проблемой — отсутствием точного смыслового наполнения понятия «духовность», о чем речь шла выше. От интерпретации этого понятия зависит содержание деятельности сферы здравоохранения и медицины, иных структур, а также степень моральной и юридической ответственности

ти их работников перед людьми и государством. «Очевидно, по этой причине и категория духовно-нравственного здоровья не нашла своего отражения ни в сфере профессионального медицинского образования, ни в профилактической медицине, ни в практике оказания медицинской помощи больным»²⁷.

Таким образом, на сегодняшний день духовность не предложена на официальном уровне, она не признана реально функционирующей ни в отдельном человеке, ни в обществе. А из-за отсутствия общепризнанного обоснования духовности эта категория продолжает подвергаться различного рода интерпретациям. И все же, несмотря на многочисленные интерпретации, есть смутное, интуитивно улавливаемое, но все-таки истинное понимание духовности, которую ищут, на которую уповают, связывают свои надежды. Особенно ясно она осознается в экстремальных случаях — во время войны, перед лицом смерти. Об этом свидетельствуют, например, надписи на памятниках солдатам Великой Отечественной войны, которые гласят: «Павшим воинам, стоявшим насмерть во имя жизни». Можно не сомневаться, что эта фраза не подвергнется множеству интерпретаций и большинством нормальных людей героическая смерть воинов во имя свободы и независимости Родины будет воспринята как высшее проявление духовности.

В повседневной, обыденной жизни духовность проявляется мало, поэтому всегда нужны были герои, ибо подражание героическому — это возвращение к ощущению смысла существования, а значит, истинному пониманию жизни и духа народа. «Вот почему каждый **живой** (выделено мной. — *Р.С.*) народ имеет и чтит, как умеет, своих святых и своих героев. Они те праведники, ради которых существует сырой материал этнографической массы, в них осуществляется миссия народа»²⁸. Не случайно выживают лишь те государства, где рождаются герои, подражание которым способствует как личному духовному здоровью человека, так и общества в целом. В России же проводится сознательная *дегероизация*. На любом российском канале ТВ дегероизации уделяют так много внимания, что скоро не останется не только в советской, но и в русской истории ни одной заметной личности, достойной уважения и памяти потомков. Низвергнуты не только бывшие герои, но замалчивают

ся и проявления героизма, случившиеся в наши дни²⁹. В таких условиях задача по духовному возрождению общества или определенной его сферы (здравоохранение, медицина) выглядит, увы, трудновыполнимой.

Общественная атмосфера потребительского общества, каковым стало и российское общество, не позволяет думать, оценивать, сравнивать, прогнозировать, поэтому за человека решают производители товаров и услуг, делая его бездумным потребителем. И чем дальше человек уведен обществом по пути деградации, тем длиннее его путь к осознанию как самой потребности, так и способов духовно-нравственного возрождения, и тем сложнее и болезненнее этот процесс. Следовательно, само общество, государство, власть — прямо или косвенно — делают духовность человека невыгодной и не востребовавшей его способностью.

Ученые давно связывают изменение вектора жизненных устремлений и общего взгляда на мир с развитием капитализма, торговли и применения денег как оптимального средства обмена. Такое объяснение привычно считается исчерпывающим, и на этой констатации, как правило, останавливаются. При этом не объясняется, что происходит с человеком, его сознанием, биологической природой, т.е. всем тем, что составляет механизм или носитель измененного мировосприятия. Интересную версию того, почему так случилось с человечеством и каковы пути исправления этой ситуации, дал американский ученый-офтальмолог Р.Каплан. Он сумел посмотреть на человека (и его зрение) в неразрывной связи с окружающим миром, что помогло ему сделать далеко идущие выводы относительно сознания человека, его возможной трансформации и влияния на него в зависимости от типа зрения³⁰. В своих исследованиях Каплан опирается на работы другого ученого — Р.Келлума (Нью-Йоркский университет).

В далеком прошлом, отмечает Келлум, зрение было направлено на выращивание или сбор пищи, служило целям охоты на животных. Поэтому человек был тесно связан с природой, был ее частью, одновременно будучи и частью общины. Человек наблюдал за сменой времен года и видел перед собой широкую панораму, будь то неоглядный простор природы или социаль-

ные взаимоотношения, необходимые для функционирования нормальной общинной жизни. Умение видеть давало возможность почувствовать, что человек — часть **жизни** в самом широком смысле этого слова. Умение видеть находилось в гармонии с умением смотреть. Для Келлума видеть и смотреть — не синонимы, а различные, неравноценные способы познания окружающего мира. Знание о мире было дано людям изначально, одновременно с возникновением цивилизации и самого человека. Собственно, это не было знанием в нашем теперешнем понимании, скорее — инстинктом, естественным сообщением со средой. И люди не то чтобы пользовались этим знанием — они им жили, поскольку не противостояли природе, а составляли с ней одно целое.

С развитием торговли, когда продовольствие и другие товары стали обмениваться на деньги, начал проявляться способ восприятия, который Келлум назвал близоруким. Теперь людям не нужно больше охотиться, используя свою дальность зрения: теперь они смотрят на то, что у них под рукой, например на пищу, на товары, разложенные перед ними, или на того человека, с кем они торгуются³¹. Применение денег сместило фокус с общей для всех природной среды, с общества, обеспечивающего взаимную поддержку, и с широкой панорамы, дающей ощущение того, что все части мира, включая людей, небо и планеты, действуют сообща, — и с осознания того, что их следует почитать. Вместо этого сформировался индивидуалистический, эгоистический взгляд, при котором конкуренция между людьми вышла на первый план, затмив собой и общество, и природу, и всю панораму в целом. Подобная трансформация приводит, в свою очередь, к перестройке мозга и разума. Биологической основой этой перестройки является постепенное увеличение роли присутствующих в мозгу, взаимодействующих между собой нервных клеток, обеспечивающих фoveальное зрение, при котором восприятие концентрируется на узком поле и управляется только интеллектом, без участия интуиции. Это и положило начало растущему дисбалансу, человек стал меньше «видеть», но гораздо большее «смотреть»³².

Таким образом, многовековая история человеческого общества демонстрирует явный переход от ориентации на «видеть», т.е. от взгляда, обращенного вовне, к преобладанию ори-

ентации на «смотреть» с его направленным внутрь узким фокусом. Из этого положения со всей очевидностью напрашивается аналогия, параллель между близорукостью и нашим обществом, все более сосредоточивающимся на «я»³³. В результате такого перехода, по мнению Келлума, «мы потеряли какую-то часть сознания. Мы все более продвигались внутрь, и наши тела стали центром нашего внимания. Это привело к утрате способности видеть нашу связь с окружающим миром»³.

Сознание становится близоруким, оно видит все так, как если бы весь мир существовал рядом, поблизости. Чем больше в жизни людей занимало «смотреть», тем больше сужалась та картина, которая возникала у них в уме. Одновременно с этим интуитивно-религиозное мировосприятие и духовное целительство как культурные нормы своего времени стали вытеснять науки – физика и медицина, порожденные физическим миром; они были сосредоточены на очень узкой области. Интуицию затмили когнитивные умозаключения. Вдруг оказалось, что если идею нельзя доказать научно, она имеет мало цены – или же ей и вовсе не следует придавать значения.

К счастью, сознание подобно зрению: «Это вещь живая, динамичная, только и ожидающая момента, когда можно будет проявить себя... Став сознательным, вы можете в любой момент перейти к дальнозоркой модели бытия»³⁴. Противоядие против «близорукого» зрения и поведения состоит, следовательно, в том, чтобы перефокусироваться и распространиться вовне, проникнув при этом в свое подлинное Я». А американский ученый Брюс Липтон предложил гипотезу в этом же ключе: «Измените восприятие, и вы сможете модифицировать вашу ДНК»³⁵.

5.

Ценность работ подобного рода заключается в том, что они позволяют перефокусировать мысль, «зацикленную» на экономических факторах, на область сознания, духовности, еще недостаточно изученных, но, несомненно, таящих в себе большие возможности. Как показали исследования, формирование личного взгляда на духовность и нравственность у людей происхо-

дит не столько в сфере образования или на основе готовых ценностных идей, предлагаемых властными или некоторыми общественными структурами, сколько формируется на персонально-психологической основе в процессе обретения жизненного опыта. Это значит, что привести людей в духовном плане к единому знаменателю никакой — даже самой авторитарной — власти не удастся. Примером тому является система марксистского просвещения в СССР, которая была всеобщей. А сколько людей на деле восприняли ее в качестве фундаментальной ценности, сделав стержнем своего духовного мира? Развал СССР и последующие события показали, что таких людей было ничтожно мало.

Из практического опыта также следует, что в выборе, например, такой ключевой ценностной ориентации, как признание Бога реальностью, которая определяет способность обнаруживать в себе и востребовать духовно-нравственные качества собственной личности, люди занимают одну из двух диаметрально противоположных позиций.

Первая, доминирующая в обществе, позиция — позиция нигилиста, атеиста, которой ближе понятие «нравственность или мораль» (классовая, партийная, профессиональная). Его поступки, поведение, способ жизни обуславливаются определенного рода идейностью, которой человек вооружился, или сделал вид, что принял ее. Вместе с тем в России широко распространен сегодня своеобразный тип православного атеиста, т.е. личности, которая принимает, осознанно или неосознанно, этические начала Православия, однако не принимает собственно теологические постулаты, полагая, что данная этическая концепция осуществима без обращения к теме Высшего существа. Такая личность считает, что сам человек, не под страхом расплаты в ином мире, а исключительно в силу своих человеческих качеств, способен соответствовать гуманистическим нравственным ценностям.

Вторая позиция — позиция человека, верящего Богу, т.е. верящего Его Слову и принимающего к исполнению Его Закон — вне зависимости от того, соблюдает ли он обряды, культы, принимает ли участие в таинствах и т.п. Странник этой позиции придерживается понятия «духовность». Он выбирает

способ поведения, осознаваемый не через общепринятые в обществе стандарты, а через собственную духовно-нравственную сущность — на основе потребности к различению добра и зла, регулируемой психологическим механизмом совести. Поскольку жизнью такого человека управляет совесть, то его поведение в обществе становится истинно нравственным. Обретение устремленности жить и трудиться по совести с полным основанием можно было бы считать духовно-нравственным возрождением человека, возрождением от состояния бездуховности и безнравственности. Однако с материальных позиций, которые доминируют в обществе, поступать и жить по совести невыгодно — и это главная причина того положения, что большинство людей не хотят жить и трудиться по совести.

Таким образом, проблема востребования человеческой совести как неотъемлемой части духовности — актуальная на всем протяжении истории — приобретает особую остроту в современном российском обществе. Во все времена и во многих культурах наиболее успешно ее решала религия. Другие способы ее решения, например идеологические, оказались малоэффективными. Кроме того, прогрессирующее разрушение нравов, болезни, порождаемые этим разрушением, настоятельно требуют возвращения к духовной традиции. В связи с этим перед обществом встает задача переосмысления роли религии.

Существенный вклад в ее решение внес академик РАН Л.Н. Митрохин, который выступал против поверхностного объяснения причин возникновения религии (из-за страха перед грозными явлениями природы и попыток воздействовать на них при помощи религиозного культа), а также против объявления религии архаической формой культуры. Ученый исходил из понимания религии как одного из исторически закономерных способов решения фундаментальных проблем существования и предназначения человека. Поскольку человек в отличие от животного вынужден жить в культуре, то он может это сделать, «лишь вписав опыт своей быстротечной жизни в вечность, лишь ощущая «прислоненность» к неумирающим мирам. Именно христианство впервые в популярной и широкодоступной форме выразило эту скрытую интуицию человеческой истории. А в этом и состоит основная функция духовной культуры, которая

обеспечивает преемственность живого, личного опыта человечества»³⁶. Глубокое и вдумчивое отношение к феномену религии позволили Митрохину понять, что человечество подошло к такому этапу, когда его самосознание не может ограничиваться абсолютизацией земного опыта «овладения» природой. Слишком многое говорит за то, что настало время это признать.

В России многие люди вновь приходят к осознанию и пониманию значительной роли религии в обществе. Со стороны ученых и общественных деятелей также меняется сегодня отношение к религии и соответственно – к пониманию духовности. Показательны в этом отношении выступления ряда известных ученых и общественных деятелей в журнале «Фома», таких как декан факультета политологии МГИМО МИД А.Салмин, профессор МГИМО А.Зубков, профессор Ю.Вяземский, писатель, поэт Мария Галина, депутат ГД К.Затулин и другие³⁷. По мнению Ю.Вяземского, «религия является тем, что отличает человека от животного и фактически образует культуру. Если мы обратимся к древним пластам религии, то увидим, что оттуда все вытекает – в том числе и право, и экономика. Она все в нашей жизни предопределила и продолжает предопределять. Осознаем мы это или не осознаем, оторвались мы или не оторвались»³⁸.

Эта новая тенденция в обществе свидетельствует о том, что происходит некий поворот, который осуществляется не только под влиянием политических и социокультурных процессов в стране, но, видимо, является частью более широкого процесса, наблюдаемого и в России, и в западных странах. Сегодня многие западные исследователи приходят к выводу о том, что традиционные, религиозные ценности играют важную роль в определении социальных последствий (А.Тойнби, С.Хантингтон). Широко известный в России американский ученый Ф.Фукуяма, обратив внимание на огромную роль религии в прошлых культурных возрождениях, выражает надежду, что она и сегодня сможет играть аналогичную роль в духовно-нравственном оздоровлении общества, которое впало в состояние, названное им «Великим разрывом». Это состояние нашло свое выражение в распаде семей, внебрачной рождаемости, росте уровня преступности, алкоголизма, наркомании, распространения

азартных игр, проституции, социальной разобщенности и т.д. Он полагает, что «люди вернуться к религиозной традиции не обязательно потому, что они согласны с истиной откровения, но именно из-за того, что отсутствие сообщества и мимолетность социальных связей в мире заставляют их желать обрести религиозную и культурную традицию... Мы не стали настолько современными и светскими, что можем обойтись без религии»³⁹.

6.

Иные многочисленные способы вернуть в общество нормы и ценности, необходимые для восстановления жизнеспособности государства, оказались отвергнуты самой жизнью, поскольку в их основе всегда обнаруживались ложь и насилие. Современная Россия с ее псевдорыночной экономикой, с ее всепоглощающим культом денег как единственно значимой ценностью даже не озабочена проблемами, о которых пишет Фукуяма, предпочитая существовать фактически без употребления морали, совести. Задачу формирования духовности, системы нравственных норм и совести у молодого поколения пока не ставит и система образования.

Очевидно, усвоив свое происхождение от обезьяны, молодое поколение получает полное право быть бездуховным и безнравственным, и это право вручает им государство. Увы, на таких же мировоззренческих позициях — бездоказательных — в сфере профессионального образования продолжает формироваться врач, педагог, юрист, руководитель и даже законодатель, создающий государственные образовательные стандарты. Следует полагать, что первыми выйти из своеобразного «порочного круга» должны ученые, а первым нравственным шагом к такому спасению должен стать объективный, беспристрастный анализ ключевых факторов, влияющих на здоровье, жизнеспособность человека и общества.

Таким образом, физическое выздоровление человека и государства, восстановление их жизнеспособности начинается на духовном уровне. Никто не может заставить человека принять ту или иную религию. Между тем существуют незыблемые на все времена критерии нравственности и морали, предав забве-

нию, либо переступив через которые, человечество наносит себе непоправимый урон. Это заповеди, поведенные первым людям. Выполнять хотя бы 7 из 10 обязаны все, потому что в них заложен Всемирный Человеческий Кодекс жизни и поведения. Примером жизнеспособности человека во всей полноте этого смысла является Борис Тимофеевич Червяков, который живет в г. Железнодорожный Московской области. Он участник Великой Отечественной войны, почетный гражданин города, эколог. Все эти заветы он сконцентрировал для себя в четырех заповедях: *душу отдай Богу, жизнь — Родине, любовь — людям, честь и совесть оставь себе*. Ему Ю1 год⁴⁰.

Примечания

- ¹ Жизнь как ценность. М., 2000.
- ² Конституция Российской Федерации. Ст. 13, п. 2.
- ³ См.: *Яковлева А.* Корабль дураков // Континент. 2003. № 5. С. 2.
- ⁴ В значительной степени по этой причине и научные свидетельства, на которые, например, ссылается Вернадский, говоря о принципе жизни как таковой, разбросаны в ряде публикаций в виде отдельных фрагментов.
- ⁵ См.: *Ажажа В.Г., Белимов Г.С.* К вопросу об информационной первооснове микро- и макромиров Вселенной // Филос. науки. 2001. № 1. С. 125.
- ⁶ *Сатпрем.* Разум клеток. СПб., 2003. С. 51.
- ⁷ *Фром Э.* Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1989. С. 205.
- ⁸ *Якимович А.К.* Художники Нового времени // Вопр. философии. 2005. № 3. С. 76–77.
- ⁹ Там же. С. 77.
- ¹⁰ В 1960–70-е гг. нарастали сомнения среди ученых по поводу дарвинизма. Известные палеонтологи Найлс Эддредж и Стивен Джей Гульд опубликовали свою новую теорию «прерванного равновесия», чтобы объяснить отсутствие переходных, эволюционных форм среди окаменелостей (такие формы должны были быть найдены согласно неodarвинизму). Факты находок окаменелостей совсем не соответствовали дарвиновским ожиданиям.
В 1960–70-е гг. нарастали сомнения среди ученых по поводу дарвинизма. Известные палеонтологи Найлс Эддредж и Стивен Джей Гульд опубликовали свою новую теорию «прерванного равновесия», чтобы объяснить отсутствие переходных, эволюционных форм среди окаменелостей (такие формы должны были быть найдены согласно неodarвинизму). Факты находок окаменелостей совсем не соответствовали дарвиновским ожиданиям.

Уничтожающий обвинительный приговор дарвинистской эволюции вынес Пьер П.Грассе, один из величайших в мире биологов и экс-президент французской академии наук, в книге «Эволюция всего живущего» (1973). В 1980-е гг. все больше ученых открыто признавали, что дарвиновская теория не согласуется с новыми данными геологии, палеонтологии, астрономии, генетики, физики, биохимии и других наук.

В 1985 г. вышла книга австралийца, специалиста по молекулярной биологии, Майкла Дентона «Эволюция: теория в кризисе», предлагавшая систематическую критику современной эволюционной модели в свете различных научных дисциплин.

В 1991 г. профессор Джонсон выпустил книгу «Дарвин под судом». В 1996 г. профессор биохимии Майкл Беке в своей книге «Черная коробка Дарвина» убедительно показывает, что новые поразительные открытия в биохимии никак не могут быть размещены ни в одной из ниш дарвинизма.

В 1997 г. смелый удар по дарвинизму наносит еще одна книга «Не случайно!» доктора Ли Спетнера. Израильский биофизик и специалист по генетическому коду Спетнер не только доказывает, почему случайные мутации никогда не произведут тех изменений, на которые претендует эволюция, но и предлагает новые научные проекты для исследования того, каким образом у каждого отдельного организма возникают вариации внутри строгих генетических ограничений.

В 1998 г. вышла книга «Вывод проекта» Вильяма А.Дембовского, профессора математики и философии. Исходя из законов математической вероятности, Дембовский решительно доказывает, что случайные естественные причины не могут привести к сложным биологическим комплексам.

¹¹ Цит. по: *Андрущакевич А.А., Трошин В.Д., Зайцев Р.М.* Духовность в медицине. Н. Новгород, 2004. С. 18.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 37.

¹⁴ *Солоневич И.* Народная монархия. М., 1991. С. 120.

¹⁵ См.: *Савельзон О.И.* Россия и несвобода, Израиль и псевдомир // *Филос. исслед.* 2005. № 3–4. С. 87.

¹⁶ Духовность в медицине. С. 8.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ См.: *Личность, культура, этнос (Совр. психол. антропология).* М., 2001.

¹⁹ *Сатпрем.* Цит. соч. С. 231.

²⁰ Духовность в медицине. С. 9.

²¹ *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика – психологию-прогнозирование. М., 2004. С. 313.

²² *Осинов Г.В.* Идеи для России // *Рос. вести.* 1996. 19 июля.

²³ См.: *Литицук В.А., Мосткова Е.В.* Технология повышения личного здоровья. М., 1999.

- ²⁴ См.: *Бек Т.* // Независ. газ. 2005. 15 марта.
- ²⁵ *Петрова Н.И.* Развитие духовности личности через диалогизацию личности // Духовный мир человека: проблемы и перспективы: Тез. докл. регион. науч. конф. Н. Новгород, 2000. С. 55–57.
- ²⁶ *Маслова Е.Б.* О духовных измерениях человеческой жизни // Там же. С. 60–62.
- ²⁷ *Андрущакевич А.А., Трошин В.Д., Зайцев Р.М.* Духовность в медицине. Н. Новгород, 2004.
- ²⁸ *Булгаков С.Н.* Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 181.
- ²⁹ Так, например, в дни празднования 60-летия Победы ФСБ предотвратило теракт в Карачаево-Черкессии наподобие того, какой был в Беслане. И об этом, кроме маленькой заметки в одной из газет, практически ничего не сообщалось.
- ³⁰ *Роберто Каплан.* Сознательное зрение. М., 2003.
- ³¹ Там же. С. 53–54.
- ³² Там же. С. 54–55.
- ³³ Там же. С. 57.
- ³⁴ Там же. С. 169.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Митрохин Л.Н.* В.С.Степин и проблемы философии культуры // Вопр. философии. 2004. № 9. С. 77.
- ³⁷ См.: Приглашение к разговору // Фома. 2005. № 1.
- ³⁸ Там же. С. 7.
- ³⁹ *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М., 2004. С. 378.
- ⁴⁰ Факт. 2005. № 48. 2 дек. С. 14.